

a witness was questioned in France and the statement obtained according to French law and introduced as evidence in an adversarial trial, the integral right of both parties to cross-examine a witness would basically be rendered useless because the witness would never appear in person. The inquisitorial system, on the other hand, would be confronted with the question of how to handle the common-law's "guilty plea." Would continental-European courts have to accept them as mandatory or would they be allowed to conduct further inquiries, to verify the confession and possibly reach a diverging verdict?

V. Conclusion

Europeanizing criminal procedure has proven difficult for both adversarial and inquisitorial trials. One of the main challenges the process is facing continues to be the exchange of evidence between countries, as the different systems make it hard to agree on methods that are suitable for mutual recognition. For this reason, academic discourse in the field of European criminal procedural law has never been more important than now.

Марковичева Е. В.

Транспарентность правосудия как условие обеспечения прав граждан в уголовном судопроизводстве

В работе раскрываются отдельные направления повышения транспарентности правосудия по уголовным делам в современной России. Вносятся предложения по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства.

В подавляющем большинстве современных государств в число приоритетных направлений совершенствования системы правосудия входят вопросы обеспечения его гласности и прозрачности. Россия в этом плане не является исключением. Эти и подобные вопросы находят свое отражение и в решениях Европейского суда по правам человека.

Следует отметить, что все чаще понятия «гласность», «прозрачность» применительно к правосудию трансформируются в термин «транспарентность». Несмотря на достаточную распространенность данного термина, значение и сущность данного понятия, как правило, контекстно обусловлены. Это позволяет исследователям обоснованно указывать на то, что общеупотребительность понятия «транспарентность» не устраняет его многозначности, «влекущей иногда подмену предмета обсуждения» [4, с. 16].

Несмотря на вариативность употребления понятия «транспарентность» применительно к судебной власти, чаще всего данным термином обозначают важную характеристику системы правосудия – его открытость и прозрачность. По мнению А. В. Смирнова, транспарентность

правосудия является необходимым условием реализации гражданским обществом функции контроля над судопроизводством, позволяет обеспечить единообразие судебной практики и процессуальную экономию [1, с. 14]. Соглашаясь с данной позицией, добавим лишь, что транспарентность способствует установлению двусторонней связи между гражданами, отдельными институтами гражданского общества и системой правосудия, позволяет более эффективно решать задачи, стоящие перед отдельными видами судопроизводства.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что Европейская конвенция о защите прав и свобод человека рассматривает прозрачность и доступность судопроизводства в контексте реализации права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Конвенции. Однако при этом следует иметь в виду, что, с одной стороны, государство должно стремиться обеспечивать прозрачность правосудия, но с другой – такая прозрачность может быть ограничена в целях защиты значимых частных или публичных интересов. В этом контексте особое значение приобретает установление на уровне национального законодательства правил публичности судебного разбирательства и случаев их ограничения. Как отмечают исследователи, с позиции ЕСПЧ большое значение имеет определение границ публичности в судебном заседании, при оглашении судебного решения и его опубликовании [6, с. 58–62].

Применительно к российскому уголовному судопроизводству идея транспарентности правосудия не теряет своей актуальности, но ее нормативное и практическое воплощение имеет ряд особенностей. В целом транспарентность правосудия по уголовным делам вполне отвечает назначению уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 6 УПК РФ. Вместе с тем в российском уголовном процессе транспарентность не получила статуса принципа. Более того, в главу 2 УПК РФ не были включены в качестве принципов и такие положения, как гласность и открытость судебного разбирательства. Стремление законодателя обеспечить возможность сохранения тайны предварительного следствия привело к тому, что устность, гласность и открытость, присущие транспарентному правосудию, получили нормативное закрепление в качестве общих условий судебного разбирательства по уголовному делу. Безусловно, следует согласиться с авторами, призывающими критически осмыслить такую конструкцию [3, с. 113].

Однако необходимо учитывать и то обстоятельство, что в силу специфики уголовного судопроизводства пределы транспарентности правосудия по уголовным делам всегда будут уже, нежели в сфере гражданского и даже административного судопроизводства. Сложность обеспечения транспарентности при производстве по уголовным делам

всегда связана с необходимостью соблюдения баланса между интересами государства и интересами гражданского общества, отдельной личности. В то же время нельзя игнорировать тот факт, что характерная для XXI в. информатизация всех сфер общественной жизни заставляет меняться даже традиционно консервативные институты государственной власти, включая систему уголовного правосудия. На наш взгляд, именно в данной плоскости находятся возможности для повышения транспарентности отечественного уголовного судопроизводства.

Внедрение информационных технологий в деятельность судебных органов стало общемировой практикой и привело даже к появлению термина «smart court», буквально переводимого как «умный суд». Безусловно, информатизация уголовного судопроизводства не может рассматриваться как самоцель, поскольку она в первую очередь должна повышать транспарентность правосудия по уголовным делам. Концепция транспарентности лежит в обосновании информационной модернизации судебной деятельности большинства современных государств, следующих принципам, изложенным в Рекомендации № R (81) 7 Комитета министров Совета Европы «О способах облегчения доступа к правосудию» от 14 мая 1981 г. [2, с. 676–679].

С этой позиции в целом можно позитивно оценить попытку российского законодателя ввести элементы электронного правосудия в российский уголовный процесс. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ [5] дополнил УПК РФ ст. 474.1, закрепляющей порядок использования в уголовном судопроизводстве электронных документов. Предложенная нормативная конструкция направлена на облегчения доступа участников уголовного процесса к правосудию за счет создания альтернативного механизма подачи в суд ходатайств, заявлений, жалоб в форме электронных документов. По мысли законодателя подавляющее большинство судебных решений, на которые не распространяются ограничения, связанные с охраняемой законом тайной и соблюдением принципа конфиденциальности информации, должно размещаться на сайте суда в виде электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. Облегчить доступ к правосудию призвана и закреплённая возможность направления электронной копии судебного решения участнику уголовного судопроизводства.

Однако обеспечение транспарентности правосудия по уголовным делам требует не только соответствующей нормативной базы, но и создания действенного механизма их реализации. К сожалению, данное обстоятельство часто создает проблемы в правоприменительной практике. Например, в вышеупомянутом Федеральном законе от 23.06.2016

№ 220-ФЗ уже изначально содержится оговорка относительно возможности использования электронных документов при наличии технической возможности в суде. Как видится, упрощение взаимодействия граждан и суда во многом зависит от материально-технического обеспечения судебной системы. И с этим обстоятельством приходится считаться.

Проблема транспарентности выходит за рамки отдельно взятого вида судопроизводства, поскольку требует пересмотра отдельных векторов российской правовой политики. В то же время важно, чтобы организационно-правовая модернизация системы правосудия проводилась параллельно с реформированием процессуального законодательства. Это позволит избежать несогласованности и конфликта правовых норм.

С позиции повышения транспарентности правосудия в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве есть ряд конструкций, требующих переосмысления, уточнения и корректировки. Это касается и ограничения принципа гласности в досудебном производстве, и порядка использования видеоконференцсвязи, и процедуры оглашения приговора. Процессуальные нормы, регулирующие участие лиц в открытом судебном разбирательстве, отличаются излишней лаконичностью. Разрешение этих и других проблемных вопросов должно рассматриваться как неотъемлемая часть государственной политики по повышению транспарентности правосудия.

Список использованных источников

1. *Смирнов А. В.* Транспарентность судебной власти: политико-правовой анализ // Проблемы транспарентности правосудия: монография / ред.-сост. Е. Б. Абросимова, С. Л. Чижков. М. : ЛексЭст, 2005. С. 14.
2. Совет Европы и Россия. Сборник документов. М. : Юрид. литература, 2004. С. 676–679.
3. *Тарасов А. А.* О транспарентности российского правосудия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1. С. 109–114.
4. *Тарасов А. А.* Транспарентность правосудия – важный признак правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4. С. 16.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23.06.2016 № 220-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3889.
6. *Чернышева О. С., Диков Г. В.* Транспарентность судопроизводства – стандарты Европейского Суда по правам человека // Проблемы транспарентности правосудия : монография / ред.-сост. Е. Б. Абросимова, С. Л. Чижков. М. : ЛексЭст, 2005. С. 58–62.

Markovicheva E.

**Transparency of justice as a condition for ensuring the rights
of citizens in criminal proceedings
(translated by Tatsiana Kavalionak)**

The article reveals some ways to improve the transparency of justice in criminal proceedings system in Russia. The author suggests several ways of perfection of the Russian criminal procedural law.

The priority issues of publicity and clarity are among those, which ensure perfection of the system of justice in the vast majority of modern states. In this respect, Russia is no exception. These and similar questions can be found in the decisions of the European Court of Human Rights.

The concepts of “publicity”, “clarity” concerning justice are increasingly transformed into the term “transparency”. Despite frequent use of the term, its meaning is usually context depended. It allows researchers to state not without reason that general meaning of the concept “transparency” does not remove its polysemantic nature, which “sometimes leads to ambiguity of the issue under discussion” [4, p. 16].

Despite the variability in the use of the concept “transparency” in relation to the judiciary, most commonly, the term denotes an important characteristic of the system of justice - its publicity and clarity. According to A. B. Smirnov, transparency of justice is a necessary condition for realization of civil society function of control over the judiciary, it helps to ensure uniformity of judicial practice and procedural efficiency [1, p. 14]. Supporting this view, it should be added that transparency promotes two-way communication between citizens, private institutions of civil society and the justice system, and enables solving the problems of certain proceedings in a more effective way.

Attention should be paid to the fact that the European Convention for the Protection of Human Rights and Freedoms considers transparency and accessibility of proceedings in the context of execution of the right to a fair trial as enshrined in Art. 6 of the Convention. On the one hand, the State must try to ensure transparent justice, on the other hand, such transparency can be restricted in order to protect significant private or public interests. In this context, fixing open trial rules and the cases for their limitation at the level of national legislation is of particular importance. As the researchers note, according to European Court of Human Rights, to define the boundaries of openness when the court decision is pronounced and published is of great importance [6, pp. 58–62].

As regards the Russian criminal justice, the idea of transparency of criminal procedure is still relevant, but its normative and practical implemen-

tation has a number of peculiarities. Broadly speaking, transparency of criminal justice entirely meets the purpose of criminal proceedings, as enshrined in Art. 6 of the Code of Criminal Procedure of Russian Federation. However, in the Russian criminal procedure transparency has not received the status of a principle. Moreover, in Chapter 2 of the Code of Criminal Procedure of Russian Federation such provisions as trial transparency and openness were not included as principles. The intention of the legislator to ensure the protection of privacy of the preliminary investigation results in the fact that oral nature, transparency and openness inherent to transparent justice, were codified as general conditions of the criminal judicial proceedings. No doubt, one should agree with the authors, who call to critically assess the issue [3, p. 113].

However, it should be taken into account that because of the specifics of its nature, the boundaries of transparency in the criminal proceedings will always be narrower than in the sphere of civil and even administrative procedure. The complexity of ensuring transparency in criminal cases is always associated with the necessity of keeping a balance between the interests of the State and a civil society, and individuals. At the same time, one cannot ignore the fact that a distinctive feature of the twenty-first century is informatization in all spheres of social life, which causes changes even in traditionally conservative institutions of State power, including the criminal justice system. In our view, it is precisely in this area where possibilities for performing the transparency of national criminal proceedings lie.

Introduction of information technology in the judiciary has become world practice and led to appearance of the term “smart court”, literally translated as “clever court”. Certainly, informatization in criminal proceedings cannot be regarded as an end in itself, since it, first and foremost, should perfect transparency of criminal justice. The concept of transparency lies in justification of information-driven modernization of the judicial activities in the majority of modern states, following the principles set out in recommendation No. R (81) 7 of the EU Committee of Ministers “On the ways of facilitating access to justice” of May 14, 1981 [2, pp. 676–679].

Thus, the Russian legislator’s attempt to introduce elements of e-Justice in the Russian criminal procedure can be positively assessed. Federal law of 23.06.2016 No. 220-FL [5] added Article 474.1, fixing the order of the use of electronic documents in criminal proceedings in the Code of Criminal Procedure of Russian Federation. The suggested norm is aimed at facilitating access to justice for participants of the criminal procedure by creating an alternative mechanism for filing court motions, applications, complaints in the form of electronic documents. Legislators consider, that the vast majority of court rulings, which are not subject to the restrictions associated with the secret and private information protected by the law, must be published on the

Court website in the form of an electronic documents signed by a judge with a qualified electronic signature. Forwarding electronic copies of judicial decisions to the participants of the criminal proceeding will facilitate access to justice.

However, transparency of criminal justice requires not only appropriate regulatory framework, but also the development of an effective mechanism for its implementation, not to cause problems in law-enforcement practice. For example, the above-mentioned Federal Act of 23.06.2016, No. 220-FZ contains a clause on the possibility of using electronic documents in court where technical conditions allow. It means that simplification of the interaction of citizens and the court, largely depends on the logistical support of the judicial system. This fact is to be taken into account.

The problem of transparency goes beyond the individual types of proceedings, since it requires a revision of certain vectors of the Russian legal policy. At the same time, it is important that the organizational and legal modernization of the justice system should go hand in hand with the procedural law reform. This helps avoid inconsistency and conflict of legal norms. In line with the issue of justice transparency in national criminal procedure legislation there are a number of structures that require review, clarification and correction. It concerns the restrictions of the principle of openness in a pretrial proceeding, the use of videoconferences, and sentencing pronouncement procedure. The procedural rules governing participation of people in open court proceedings are overly concise. Resolution of these and other issues of concern should be considered as an integral part of Government policy to enhance the transparency of justice.

Трубникова Т. В.

**Возможность реализации права каждого на судебную защиту
как критерий сбалансированности различных ценностей
в уголовном процессе**

В работе кратко изложена авторская концепция о месте в уголовном процессе права каждого на судебную защиту. Право каждого на судебную защиту, реализуемое либо путем осуществления справедливого судебного разбирательства, либо в форме судебного контроля, является способом гармонизации различных целей уголовного процесса, средством их реализации, условием для реализации социального назначения уголовного процесса. Необходимость обеспечения всем заинтересованным субъектам (в том числе обществу в целом) права на судебную защиту предстает при таком подходе как критерий:

- для формирования системы принципов уголовного процесса;
- сбалансированности соотношения прав и обязанностей различных участников уголовного процесса;